

Император Антоний и маршал Жуков говорят его голосом

Известия. — 1997. — 20 нояб. — с. 5.

Сегодня Михаилу Ульянову исполняется 70 лет

В канун своего юбилея Ульянов снимался в фильме Сергея Урсуляка. В главных ролях — он, Вячеслав Тихонов и Олег Ефремов. Герои ленты, бывшие летчики-фронтовики, встретились в Москве перед Днем Победы: это положило начало цепи невероятных происшествий, в результате которых двум друзьям пришлось выручать третьего. Асы второй мировой боевое мастерство не растеряли: для того чтобы помочь другу, сталинские соколы угнали самолет.

Съемки идут в старом московском доме — тесная квартира битком набита членами съемочной группы, фоторепортерами и просто случайными людьми. В доме бедно: так живут люди, много лет не снимавшиеся с одного места, не обладающие лишними деньгами и не слишком задумывающиеся о быте. Разномастная мебель, дешевые керамические побрякушки, рваные обои, допотопный телефон... Посреди комнаты на узкой раскладушке лежит Ульянов.

Все те же мощная челюсть и сурово сжатые губы, все та же внутренняя значительность, заставляющая вспомнить о Спенсере Трейси и Жане Габен... Вот уже около сорока минут Михаил Александрович борется с фразой: «Жизнь прожить надо так, чтобы не было, так сказать, бессмысленно больно». Он отлично помнит текст Николая Островского, и иронический парадокс не ложится ему на язык: Ульянов так и эдак обминает эти слова, вслушивается в них, перекатывает во рту... И, наконец, произносит так мощно, что все в комнате вздрагивают: Ульянов — по-прежнему актер огромного дарования.

Прожить жизнь так, чтобы не было бессмысленно больно... Удалось ли это самому юбиляру?

Ульянов всегда был баловнем судьбы. Мальчик из глухого сибирского городка Тары приехал поступать в московское театральное училище — все равно какое. В Щепкинское и будущий ГИТИС его не приняли, он голодал, с ужасом думал о возвращении домой — и тут ему удалось поступить в театральное училище имени Щукина. Он слушал лекции, играл в учебных спектаклях и через пять лет вновь выпянул счастливый билет. Каждый год в Вахтанговский театр принимали только двух выпускников. Остальные — а среди них было много блестяще одаренных людей — отправлялись в провинцию, где, как правило, и пропадали. Ульянова взяли в театр, дали ему роли, на него обратило внимание кино... А остальное уже было его делом.

О том, как складывалась творческая судьба Ульянова, всем хорошо известно: он стал воплощением положительного социального героя. Однажды кто-то подсчитал, что им было сыграно 50 светлых личностей, добропорядочных производственников, комсомольских и партийных вожаков — и только два негоддя. Причем этих последних широкая публика не приняла, и к Ульянову валом пошла зрительские письма: как же вы так, ведь мы вам верили...

Он прекрасно играл Рогожина, играл Марка Антония, Ричарда III, играл Дмитрия Карамазова, пытался взорвать свое социальное амплу изнутри. После того как вышел «День-деньской» А.Вейцлера и А.Мишарина, где Ульянов играл грубого директора Друянова, возмущенные зрители вновь писали артисту: «Вчера мы так и не поняли, хороший вы или плохой». Попытка не удалась: Ульянов должен был быть хорошим. В глазах народа (и начальства) актер слился со своими современными персонажами. Он стал их живым воплощением, чем-то средним между председателем колхоза Трубниковым и маршалом Жуковым, которого Ульянов играл около двадцати лет. (Наше представление о Георгии Константиновиче целиком и полностью сформировано Михаилом Александровичем.) Его героям по справедливости была одна дорога — наверх, к вершинам власти. Но председателю Трубникову партийно-хозяйственную карьеру сделать не мог, и за него, а также за других

Служили два товарища... М.Ульянов и В.Тихонов играют фронтовых друзей.

Фото Дмитрия АСТАХОВА.

своих персонажей представительствовал артист: Ульянов стал членом ЦКК, а затем — и ЦК КПСС. И он был достойнее этого куда больше, чем многие другие.

Друзья не зря называли Ульянова «двуязычным». Его рабочий день продолжался и дома: не смолкая, звонил телефон, знакомые и незнакомые люди осаждали его просьбами. Кому-то он помогал положить в больницу мать, для кого-то выбивал сельскохозяйственную технику. Он всегда был очень добросовестен и с головой уходил в любое дело, за которое брался.

В ульяновских персонажах действительно было много от него самого: так же, как и они, он всерьез относился к жизни, он тоже был надежным и верным человеком. Всю жизнь Ульянов проработал в одном театре — Вахтанговском, к которому он относился как к родному дому. Молодым актером он по уши влюбился в первую вахтанговскую красавицу Аллу Парфаньяк, с которой до сих пор живет в любви и счастье. Ульянов умел сильно чувствовать и имел свои собственные, им самим выношенные убеждения — в конце восьмидесятых годов они счастливо совпали с тем, чем жила страна.

Тогда он становится во главе ВТО, неожиданно ставшего СТД (благотворительное общество должно было превратиться в «союз, выражающий коренные интересы театрального искусства»). Тогда его избирают художественным руководителем Вахтанговского театра (Лавров, позвонивший из Ленинграда с поздравлениями, в конце разговора осторожно спросил: «Ты что, с ума сошел?»). Но у Ульянова была программа: «Будем приглашать всех крупных режиссеров, которые к нам пойдут, пригласим и мастеров с Запада...».

В семидесятые главной вехой в творческой биографии Ульянова называли Ленина в спектакле по годовинской пьесе «Человек с ружьем». Это, разумеется, было сильным преувеличением, но Ульянов, как всегда, подошел к роли серьезно, много читал, много думал — и поверил Владимиру Ильичу. Позже он совершенно искренне говорил, что «революционная перестройка все глубже раскрывает перед нами подлинный смысл Октября», приветствовал ее как «нравственное очищение и торжество справедливости», как попытку «вернуть себе Октябрьскую Чистоту». Он был на гребне волны, и кадили ему, как многим. «Актер, который мог бы стать президентом» — вот типичное название статьи конца восьмидесятых годов.

Пройдет совсем немного времени, и критик А.Смелянский охарактеризует внутреннее состояние Ульянова горькой репликой его Цезаря: «Я не знаю, что мне делать». Ноша, которую взвалил на себя артист, оказалась трагически, безнадёжно неподъемной, и для него, серьезного, порядочного, ответственного человека, это оказалось тяжелейшим ударом.

Союз театральных деятелей нищал и расползался под руками — за одной, наспех залатанной прорехой немедленно возникала другая. На фабриках, принадлежавших ВТО с

начала девятисотых годов, оборудование не менялось с тех пор, как они были освобождены от налогов Николаем II. Деньги союза, на заре перестройки вложенные в капитальное строительство, замерзли в незавершенке. Не самым лучшим образом обстояли дела и в его театре.

Ульянов, «худрук без права постановки» (этот зарок он взял на себя сам), сделал ставку на приглашенных режиссеров. У него блестяще работал Фоменко, ставили Кац и Стурга; Хейфец и Виктук в театре не прижились. В Вахтанговском выходили отличные спектакли, многие из которых становились событием сезона, а сам он постепенно уходил на периферию театральной жизни. Ульянов с гордостью называл себя «солдатом вахтанговской театральной армии», у которого одна цель — «сохранить наш театр», но это была пассивная, оборонительная задача. Худрук хотел подарить мир и покой тем, с кем он проработал всю жизнь, кого он уважал и любил — необходимых для нового амплуа жесткости и коварства в нем не было. Он не мог играть старыми друзьями, он не хотел делать ставки на новых людей. Все шло наладно, и он это отлично чувствовал. Не радовало его и то, что творилось за стенами театра, — принять новые времена, с их цинизмом и презрением к слабому, Ульянов не мог.

«Для шестидесятников я — память об их молодости. Будь я сейчас молодым, только со всем моим жизненным опытом, я все равно был бы так же растерян и тоже не знал бы ответов, как жить», — говорит Ульянов в одном из интервью. В другом идет речь о трагедии человека, который все понимает, но ничего не может предпринять.

«Я — человек ушедшего времени»: два года назад Ульянов предвещал этой фразой наше интервью. Слова горькие, однако то, что за ними стоит, может стать основой для нового творческого взлета.

Ульянов — артист огромного, уникального дарования. Он мог бы играть трагедию; он был великолепен в амплуа социального героя; он, наконец, прекрасный характерный актер. Ему казалось, что ушло его время — кто знает, может быть, теперь-то оно и настало? Кому как не ему, с его острым чувством справедливости, даром сопереживания, ощущением того, что эпоха проехала и по его собственным ребрам, стать сценическим предстателем тех, кого она вытолкнула на обочину? Он, как никто, может сыграть трагедию своего поколения, трагедию веры и прямоты, заблуждений и чести. Этого в избытке у него самого — мало кто осмелился бы во второй половине 90-х годов печатно сказать о Сталине следующее: «Развенчивать не могу, я считаю, это был великий человек. Восхвалять не хочу».

Лучшая роль Ульянова, роль, по которой будут судить о нашей эпохе, ждет его за поворотом. К ней его готовят все последние годы, вся теперешняя жизнь, причинившая ему много бессмысленной боли.

Алексей ФИЛИППОВ,
«Известия».

66

Император Антоний и маршал Жуков говорят его голосом

**Сегодня
Михаилу Ульянову
исполняется 70 лет**

В канун своего юбилея Ульянов снимался в фильме Сергея Урсуляка. В главных ролях — он, Вячеслав Тихонов и Олег Ефремов. Герои ленты, бывшие летчики-фронтовики, встретились в Москве перед Днем Победы: это положило начало цепи невероятных происшествий, в результате которых двум друзьям пришлось выручать третьего. Асы второй мировой боевое мастерство не растеряли: для того чтобы помочь другу, сталинские соколы угнали самолет.

Съемки идут в старом московском доме — тесная квартира битком набита членами съемочной группы, фоторепортерами и просто случайными людьми. В доме бедно: так живут люди, много лет не снимавшиеся с одного места, не обладающие лишними деньгами и не слишком задумывающиеся о быте. Разномастная мебель, дешевые керамические побрякушки, рваные обои, допотопный телефон... Посреди комнаты на узкой раскладушке лежит Ульянов.

Все те же мошная челюсть и сурово сжатые губы, все та же внутренняя значительность, заставляющая вспомнить о Спенсере Трейси и Жане Габене... Вот уже около сорока минут Михаил Александрович борется с фразой: «Жизнь прожить надо так, чтобы не было, так сказать, бессмысленно больно». Он отлично помнит текст Николая Островского, и иронический паравраз не ложится ему на язык: Ульянов так и эдак обминает эти слова, вслушивается в них, перекачивает во рту... И, наконец, произносит так мощно, что все в комнате вздрагивают: Ульянов — по-прежнему актер огромного дарования.

Прожить жизнь так, чтобы не было бессмысленно больно... Удалось ли это самому юбиляру?

Ульянов всегда был баловнем судьбы. Мальчик из глухого сибирского городка Тары приехал поступать в московское театральное училище — все равно какое. В Щепкинское и будущий ГИТИС его не приняли, он голодал, с ужасом думал о возвращении домой — и тут ему удалось поступить в театральное училище имени Щукина. Он слушал лекции, играл в учебных спектаклях и через пять лет вновь вытянул счастливый билет. Каждый год в Вахтанговский театр принимали только двух выпускников. Остальные — а среди них было много блестяще одаренных людей — отправлялись в провинцию, где, как правило, и пропадали. Ульянова взяли в театр, дали ему роли, на него обратило внимание кино... А остальное уже было его делом.

О том, как складывалась творческая судьба Ульянова, всем хорошо известно: он стал воплощением положительного социального героя. Однажды кто-то подсчитал, что им было сыграно 50 светлых личностей, доблестных производственников, комсомольских и партийных вожakov — и только два негодяя. Причем этих последних широкая публика не приняла, и к Ульянову валом пошли зрительские письма: как же вы так, ведь мы вам верили...

Он прекрасно играл Рогожина, играл Марка Антония, Ричарда III, играл Дмитрия Карамазова, пытаясь взорвать свое социальное амплуа изнутри. После того как вышел «День-деньской» А.Вейцлера и А.Мишарина, где Ульянов играл грубого директора Дружанова, возмущенные зрители вновь писали артисту: «Вчера мы так и не поняли, хороший вы или плохой». Попытка не удалась: Ульянов должен был быть хорошим. В глазах народа (и начальства) актер слился со своими современными персонажами. Он стал их живым воплощением, чем-то средним между председателем колхоза Трубниковым и маршалом Жуковым, которого Ульянов играл около двадцати лет. (Наше представление о Георгии Константиновиче целиком и полностью сформировано Михаилом Александровичем.) Его героям по справедливости была одна дорога — наверх, к вершинам власти. Но председатель Трубников партийно-хозяйственную карьеру сделать не мог, и за него, а также за других

Служили два товарища... М.Ульянов и В.Тихонов играют фронтовых друзей.

Фото Дмитрия АСТАХОВА.

своих персонажей представителем артист: Ульянов стал членом ЦКК, а затем — и ЦК КПСС. И он был достойнее этого куда больше, чем многие другие.

Друзья не зря называли Ульянова «двуличным». Его рабочий день продолжался и дома: не смолкая, звонил телефон, знакомые и незнакомые люди осаждали его просьбами. Кому-то он помогал положить в больницу мать, для кого-то выбивал сельскохозяйственную технику. Он всегда был очень добросовестен и с головой уходил в любое дело, за которое брался.

В ульяновских персонажах действительно было много от него самого: так же, как и они, он всерьез относился к жизни, он тоже был надежным и верным человеком. Всю жизнь Ульянов проработал в одном театре — Вахтанговском, к которому он относился как к родному дому. Молодым актером он по уши влюбился в первую вахтанговскую красавицу Аллу Парфаньяк, с которой до сих пор живет в любви и счастье. Ульянов умел сильно чувствовать и имел свои собственные, им самим выношенные убеждения — в конце восьмидесятых годов они счастливо совпали с тем, чем жила страна.

Тогда он становится во главе ВТО, неожиданно ставшего СТД (благотворительное общество должно было превратиться в «союз, выражающий коренные интересы театрального искусства»). Тогда его избирают художественным руководителем Вахтанговского театра (Лавров, позвонивший из Ленинграда с поздравлениями, в конце разговора осторожно спросил: «Ты что, с ума сошел?»). Но у Ульянова была программа: «Будем приглашать всех крупных режиссеров, которые к нам пойдут, пригласим и мастеров с Запада...»

В семидесятые главной вехой в творческой биографии Ульянова называли Ленина в спектакле по пьесе Чехова «Человек с ружьем». Это, разумеется, было сильным преувеличением, но Ульянов, как всегда, подошел к роли серьезно, много читал, много думал — и поверил Владимиру Ильичу. Позже он совершенно искренне говорил, что «революционная перестройка все глубже раскрывает перед нами подлинный смысл Октября», приветствовал ее как «нравственное очищение и торжество справедливости», как попытку «вернуть себе Октябрьскую Чистоту». Он был на гребне волны, и кадили ему, как немногим. «Актер, который мог бы стать президентом» — вот типичное название статьи конца восьмидесятых годов.

Пройдет совсем немного времени, и критик А.Смелянский охарактеризует внутреннее состояние Ульянова горькой репликой его Цезаря: «Я не знаю, что мне делать». Ноша, которую взвалил на себя артист, оказалась трагически, безнадежно неподъемной, и для него, серьезного, порядочного, ответственного человека, это оказалось тяжелейшим ударом.

Союз театральных деятелей нищел и распался под руками — за одной, наспех залатанной прорехой немедленно возникала другая. На фабриках, принадлежавших ВТО с

начала девятисотых годов, оборудование не менялось с тех пор, как они были освобождены от налогов Николаем II. Деньги союза, на заре перестройки вложенные в капитальное строительство, замерзли в незавершенке. Не самым лучшим образом обстояли дела и в его театре.

Ульянов, «худрук без права постановки» (этот зарок он взял на себя сам), сделал ставку на приглашенных режиссеров. У него блестяще работал Фоменко, ставили Кац и Стурга; Хейфец и Викток в театре не прижились. В Вахтанговском выходили отличные спектакли, многие из которых становились событиями сезона, а сам он постепенно уходил на периферию театральной жизни. Ульянов с гордостью называл себя «солдатом вахтанговской театральной армии», у которого одна цель — «сохранить наш театр», но это была пассивная, оборонительная задача. Худрук хотел подарить мир и покой тем, с кем он проработал всю жизнь, кого он уважал и любил — необходимых для нового амплуа жесткости и коварства в нем не было. Он не мог играть старыми друзьями, он не хотел делать ставки на новых людей. Все шло неладно, и он это отлично чувствовал. Не радовало его и то, что творилось за стенами театра, — принять новые времена, с их цинизмом и презрением к слабому, Ульянов не мог.

«Для шестидесятников я — память об их молодости. Будь я сейчас молодым, только со всем моим жизненным опытом, я все равно был бы так же растерян и тоже не знал бы ответов, как жить», — говорил Ульянов в одном из интервью. В другом идет речь о трагедии человека, который все понимает, но ничего не может предпринять.

«Я — человек ушедшего времени»: два года назад Ульянов предвещал этой фразой наше интервью. Слова горькие, однако то, что за ними стоит, может стать основой для нового творческого взлета.

Ульянов — артист огромного, уникального дарования. Он мог бы играть трагедию; он был великолен в амплуа социального героя; он, наконец, прекрасный характерный актер. Ему казалось, что ушло его время — кто знает, может быть, теперь то оно и настало? Кому как не ему, с его острым чувством справедливости, даром сопереживания, ощущением того, что эпоха проехала и по его собственным ребрам, стать сценическим предостелем тех, кого она вытолкнула на обочину? Он, как никто, может сыграть трагедию своего поколения, трагедию веры и прямоты, заблуждений и чести. Этого в избытке у него самого — мало что осмелился бы во второй половине 90-х годов печатно сказать о Сталине следующее: «Развешивать не могу, я считаю, это был великий человек. Восхвалять не хочу».

Лучшая роль Ульянова, роль, по которой будут судить о нашей эпохе, ждет его за поворотом. К ней его готовят все последние годы, вся теперешняя жизнь, причинившая ему много бессмысленной боли.

Алексей ФИЛИПОВ,
«Известия».